

Зязин Сергей Юрьевич
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
Москва, Российская Федерация
wasatyay@mail.ru

Территориально-поведенческий аспект ресоциализации бывших заключенных – представителей мусульманской культуры

Аннотация. Объектом исследования являются представители мусульманской культуры – приехавшие на работу и постоянное или длительное проживание в большие города и мегаполисы России. Предметом исследования является их ресоциализация в принимающем сообществе больших городов. При этом, важность совершенствования работы, направленной на их ресоциализацию, обосновывается необходимостью снижения уровня социальной напряженности в мегаполисах; вопросы их ресоциализации рассматриваются по аналогии с соответствующими проблемами трудовых мигрантов, и связываются с созданием условий для самоидентификации, выработки позитивного отношения к принимающей территории.

Ключевые слова: социальная адаптация; ресоциализация бывших заключенных; самоидентификация трудовых мигрантов; самоидентификация бывших заключенных; представители мусульманской культуры

Zyazin Sergey Yurievich
Russian State Social University,
Russian Federation, Moscow
wasatyay@mail.ru

Territorial-behavioral aspect of resocialization of former prisoners-representatives of muslim culture

Abstract. The object of the study is representatives of Muslim culture who came to work and permanent or long-term residence in large cities and megacities of Russian Federation. The subject of the study is their resocialization in the host community of large cities. At the same time, the importance of improving the work aimed at their resocialization is justified by the need to reduce the level of social tension in megacities; issues of their re-socialization are considered by analogy with the corresponding problems of labor migrants, and are associated with the creation of conditions for self-identification, development of a positive attitude to the host territory.

Keywords: social adaptation; resocialization of former prisoners; self-identification of labor migrants; self-identification of former prisoners; representatives of Muslim culture

Вводный комментарий

В последние десятилетия сложившееся в современной России урбанизованное сообщество все острее и острее нуждается в снижении общего уровня социальной напряженности. Нужда это обусловлена комплексом факторов экономического, внутривнутриполитического, этно-культурного, управленческого, а также – ценностного и

психологического характера. Ряд факторов роста такой напряженности связан с наличием в обществе значительного числа лиц, не вписывающихся в сложившиеся условия его повседневного существования, лиц в разной мере дезадаптированных, и по этой причине – как испытывающих разного рода трудности социального и психологического характера, так и создающих достаточно обширный комплекс проблем самому обществу. Пенитенциарные учреждения в настоящее время являются устойчивым, хоть и не единственным поставщиком в общество немалого количества таких «не вписывающихся» граждан. Однако, не это представляется проблематичным в первую очередь. На много важнее то, что сегодня само общество не имеет устойчивых механизмов противостояния эскалации социальной напряженности вообще, и такого её фактора, как рост числа дезадаптированных или недостаточно адаптированных к жизни в нем людей, в частности. И это представляется особенно важным в свете отечественной специфики. Дело в том, что в среде самых различных социальных групп городского населения современной России, имеющего отношение к русской (точнее, – к русскоязычной) культуре, очень сильны «рудименты» так называемого «крестьянского менталитета», которые время от времени могут проявляться как «рецидивы». Примером последнего, в частности, может служить, отмечавшийся у нас в больших городах в 1980–1990-е гг. своеобразный «ренессанс» крестьянской ментальности, являвшийся реакцией населения на общее значительное ухудшение условий городской жизни, вызванное перебоями в снабжении продуктами питания, резким удорожанием потребительской корзины и, в целом, характерной в те годы для весомой части россиян утратой жизненных ориентиров. В социологии и урбанистике явление получило название рурализация (от англ. rural – сельский, деревенский).

Не вдаваясь в подробности структуры и прочих значимых свойств крестьянского менталитета, лишь отметим, что сегодня они вошли в серьезные противоречия с современной урбанистической средой обитания человека. А применительно к нашему кругу проблем адаптации и ресоциализации это проявляется в том, что как в значительной мере утратившая черты патриархальности городская семья, так и территориальная община в условиях современного большого города утратили былые возможности влияния на поведение отдельных членов сообщества. Новых же рычагов и механизмов воздействия пока что не сформировалось. И это, в первую очередь, касается возможностей влияния на всевозможных девиантов, к которым относятся ранее названные «дезадаптированные» и «невписавшиеся» наши сограждане.

Учитывая же общее количество находящихся в местах лишения свободы россиян, именно отбывшие сроки наказания существенно пополняют социальную группу людей, имеющих проблемы в области социальной адаптации. А значит, одно из потенциально-продуктивных и полезных для общества направлений создания таких механизмов может быть связано с созданием действенной и соответствующей

современным условиям мегаполиса или больших урбанизированных сообществ системы ресоциализации отбывших сроки наказания осужденных. И весомый вклад в преодоление социальных проблем, порожденных наличием «невписавшихся» в общество людей способно внести создание новых возможностей для реализации и использования социальных ресурсов культуры в деле реабилитации и ресоциализации их личностей. В случае осуществления такой работы с людьми, освобождающимися из отечественных пенитенциарных учреждений и приезжающими на длительные сроки или на постоянное место жительства в большие города или в мегаполисы России, необходимо добиться реальной интеграции усилий общества и властных институтов. Ведь, если в прошлом традиционные общества вполне успешно использовали факторы культурной среды для осуществления социального контроля и введения обусловленных дезадаптированностью отдельных личностей и некоторых групп девиаций в социально-приемлемое русло, то в настоящее время современным обществом именно возможности задействования культурного потенциала на этом поприще осмыслены и используются явно недостаточно, что особенно ощущается в условиях отечественных мегаполисов. И эту работу, по нашему мнению, необходимо выстраивать с учетом социокультурных особенностей самих ресоциализируемых и с учетом факторов социо-культурной среды самих сообществ.

Магистральная идея предлагаемой работы состоит в следующем

Поскольку, по ряду признаков осужденные, освободившиеся из мест лишения свободы после отбытия наказания, и приезжающие для дальнейшего проживания в большие города и мегаполисы, – особенно те из них, кто по своему происхождению является выходцами из малых городов и сельской местности, – схожи с трудовыми мигрантами, также оседающими в больших городах, то можно предположить, что некоторые факторы адаптации к жизни в большом городе будут общими для этих двух социальных групп. ... С той поправкой, что трудовые мигранты, оказавшиеся в новых для себя условиях, проходят период адаптации к ним, а части бывших заключенных, кроме завершения начавшейся еще в стенах пенитенциарного учреждения социальной адаптации, требуется еще и ресоциализация.

При этом: под адаптацией понимается приспособление человека к новым для него условиям или обстоятельствам; под социализацией – процесс освоения человеком определенного жизненного опыта через овладение практиками жизнедеятельности в сфере влияния существующих в обществе социальных институтов; под ресоциализацией же понимается восстановление позитивного качества когда-то достигнутых человеком результатов его социализации; она может иметь как желательный, так и нежелательный для общества характер, а также – может осуществляться как спонтанно, так и целенаправленно, имея управляемый характер. И именно в последнем случае становится возможным задействовать обширный

арсенал средств ресоциализации, содержащихся в социо-культурной среде, сложившейся в принимающем сообществе.

Поскольку общество заинтересовано в том, чтобы максимально возможное большинство его членов было в него интегрировано, да и сами люди, в той или иной степени подвергшиеся десоциализации в местах лишения свободы, во многих случаях испытывают желание вновь вернуться в общество, то и возникает необходимость в осуществлении ресоциализации [Зязин, 2019].

Проблема комплементарности нормативной самоидентификации представителей принимающего сообщества и приехавших в большие города бывших заключенных как фактор ресоциализации

Если рассматривать бывших заключенных, вернувшихся в большие города как трудовых мигрантов, то характер их интеграции в принимающее сообщество во многом связан со степенью комплементарности (взаимосочетаемости) территориальной самоидентификации, характерной для коренного населения принимающей территории и преимущественно воспроизводящейся в среде конкретных этно-территориальных групп прибывающих.

Если нормативная самоидентификация в среде принимающего сообщества и конкретного человека-объекта ресоциализации комплементарна (одинакова или близка), то процессы их совместной жизнедеятельности конструктивны и не носят конфликтогенный характер. Более того, внешние условия не носят характер, активно провоцирующий человека на совершение каких-либо противоправных действий.

Если же самоидентификация в среде принимающего сообщества и конкретного человека-объекта ресоциализации не комплементарна (различается существенным образом), то процессы их совместной жизнедеятельности не конструктивны (и даже могут носить явно деструктивный и конфликтогенный характер); в любом случае, ход процессов ресоциализации будет тормозиться.

Напомним, что говоря о трудовых мигрантах, мы имеем в виду такую их часть, которая прибывает в большие города после освобождения из пенитенциарных учреждений, и говорим о тех людях, которые не являются представителями криминального мира, и настроены на то, чтобы со временем вернуться к нормальной жизни в обществе. Подчеркнем, что уверенно говорить о существовании определенной культурной среды, охватывающей именно таких людей в больших городах, можно лишь применительно у освободившимся представителям мусульманской культуры – не важно, верующим или не верующим. Можно – лишь потому, что в отличие от представителей иных этно-социальных групп, оказавшихся в схожей ситуации, только носители ценностей мусульманской культуры (культуры коллективистской в своей основе) практически сразу же оказываются в поле зрения и

сфере влияния местного имама, мусульманской религиозной общины, действующей при местной мечети, либо – в среде своих земляков или родственников, уже проживающих и работающих на принимающей территории в течение некоторого времени. Представители же практически всех иных культур зачастую остаются в одиночестве, один на один с «настороженно» настроенной по отношению к ним «системой» (разве что, кроме тех, кто возвращается в свои семьи, где их ждут, и настроены им помогать в адаптации к нормальной жизни на начальном этапе).

Соответственно, разрабатывая мероприятия и программы ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, необходимо учитывать параметры обозначенной комплементарности территориальной самоидентификации, и, в частности, то, представители какого из возможных нормативных типов территориальной самоидентификации преимущественно воспроизводятся на каждой конкретной территории в среде принимающего населения и того варианта, который характерен для ресоциализирующегося человека, присутствующего там. Говоря об этом, мы, прежде всего, имеем в виду то, что в таких огромных городах, как Москва или Санкт-Петербург (да и практически во всех российских городах-миллионниках) существуют районы или городские округа существенно отличающиеся друг от друга в силу особенностей хозяйственной или иной специализации, либо в силу исторически сложившейся профессиональной или этнической сегрегации расселения и т.п.

В качестве дополнительного фактора, влияющего на характер складывающихся взаимоотношений между представителями принимающего сообщества и прибывающими на данную территорию может выступать ориентация последних на ассимиляцию (вхождение в принимающее сообщество), или же на использование принимающей территории для решения собственных материальных (или иных) проблем с тем, чтобы в последующем её покинуть.

В опубликованных ранее материалах работ таких исследователей, как З. А. Жаде [Жаде, 2007: 58–67]., М. П. Крылов [Крылов, 2007; Крылов, 2005: 13–23]., Л. В. Сагитова [Сагитова, 2003]., Л. В. Сверкунова [Сверкунова, 2002: 12–13]., А. Г. Смирнова [Смирнова, 2001]., Л. В. Смирнягин [Смирнягин, 2007: 21–49]., Р. Ф. Туровский [Туровский, 1999: 87–136]. и ряда других, рассмотрены различные политические, социальные, социо-географические аспекты территориальной идентичности населения, выявлен ряд закономерностей проявления соответствующих феноменов в географическом и социальном пространстве.

В частности, М. П. Крыловым [Крылов, 2007]. были установлены различия в самоидентификации жителей российских территорий по мере продвижения «с Юга на Север» и «с Запада на Восток». Так, например, для представителей титульных народов Северного Кавказа характерна семейно-клановая самоидентификация на фоне которой проявляется, несколько менее интенсивная идентификация этно-национальная. Для

этнических русских, населяющих эти же территории и Краснодарский край, более характерно отождествлять себя с таким понятием как «южане». Подобная же схема самоидентификации распространена среди этнических русских (некоренного населения) Восточной Сибири и территорий Крайнего Севера – там в ходу территориально-региональная (отражением которой являются такие самоназвания, как «северяне», «сельдюки» и им подобные). Если же обратиться к большим городам, то там среди местного населения мы можем встретить «Москвичей», «Архангелогородцев», «Котлошан», «Питерцев» (или «Ленинградцев»), «Кемеровчан». Иными словами, вне зависимости от региональной принадлежности более-менее крупного города, его жители склонны отождествлять себя именно с ним (территориально-поселенческая), а не с той большой территорией, на которой он расположен. Также, – особенно в среде населения Москвы и С.-Петербурга, – весьма распространена самоидентификация «гражданского характера», связанная с восприятием себя в качестве гражданина своей страны – Россиянина (или «Русского» в этом же значении); одновременно, например, проживающие в Москве коренные москвичи-татары часто склонны к самоидентификации именно по этно-национальному признаку.

К сожалению, в нашем распоряжении имеются только эмпирические данные, характеризующие самоидентификацию лиц, приехавших на длительные сроки в мегаполис, которые относятся к трудовым мигрантам, не имевшим дела с пенитенциарной системой. Однако, – как мы предположили в самом начале изложения, – в общем и целом, освободившихся из мест лишения свободы бывших заключенных, также можно, хоть и с некоторой условностью, считать трудовыми мигрантами, только такими, среди которых доля десоциализированных лиц повышена по сравнению с остальными категориями приезжающих в большие города и стремящихся на всегда или на некоторое время влиться в их принимающие сообщества. Поэтому, мы полагаем, что материалы сравнительных исследований самоидентификации коренных жителей больших городов и приезжающих туда трудовых мигрантов, ранее проведенных другими авторами, вполне способны помочь и нам сориентироваться в особенностях самоидентификации приезжающих в мегаполисы после освобождения бывших заключенных, являющихся выходцами из небольших городов и сельской местности других регионов.

Что же можно наблюдать в области самоидентификации приезжих трудовых мигрантов?

Сопоставительные данные, характеризующие соответствующие шкалы самоидентификации двух названных категорий обследованных выглядят следующим образом [Александрова, 2008: 270–282]. (см. Табл.1).

Таблица 1. Сопоставление шкал самоидентификации граждан России-москвичей и мигрантов – граждан государств-членов ЕАЭС

У граждан РФ – москвичей			У мигрантов – граждан государств-членов ЕАЭС		
Ранг	Шкала идентификации	Доля, %	Доля, %	Шкала идентификации	Ранг
1	Гражданин своей страны	54,4	28,5	Гражданин своей страны	1
2	Член своей семьи	15,8	17,7	Член своей семьи	2
3	Житель Москвы	11,9	14,6	Представитель своей национальности	3
4	Гражданин мира	10,1	11,0	Житель города, в котором живет	4
5	Представитель своей национальности	4,1	10,4	Гражданин мира	5

Приведенные цифры ясно показывают факт существования различий. Так, если в среде коренных жителей мегаполиса явно преобладает гражданская идентичность, при практически ничтожной идентичности национальной – т.е. нормативная самоидентификация в их среде предполагает восприятие себя, прежде всего, именно как граждан нашей общей страны, и не предполагает самовосприятие в качестве представителей каких-либо этно-национальных групп. Если же мы обратимся к данным, характеризующим в целом этническую идентичность приезжих, то здесь, на фоне относительного преобладания гражданской самоидентификации (что абсолютно не противоречит интуитивным ожиданиям и «здравому смыслу», поскольку обследованию подвергались люди, находящиеся за пределами своих государств, на территории России, где они являются иностранцами) актуализирована в большей степени семейно-клановая самоидентификация в сочетании с несколько менее интенсивно, но тем не менее соизмеримо с нею проявляющейся, идентификацией этно-национальной. В дополнение к приведенным данным, отметим следующее. Примечательно, что на момент проведения описываемого исследования, идентифицировавших себя с Евразийским экономическим Союзом (ЕАЭС) приезжих из стран-членов ЕАЭС оказалось в 5 раз больше, чем среди москвичей [Александрова, 2008: 270–282]. Такое позиционирование себя гражданами ЕАЭС, находящимися в Москве в качестве «гастарбайтеров», объясняется тем, что мигранты из этих стран в то время почувствовали некоторые преференции, связанные с использованием прав и возможностей, предоставляемых единым рынком рабочей силы Евразийского союза [ИСПИ РАН, 2019].

Отношение к территории.

И. П. Рязанцевым и А. Ю. Завалишиным [Рязанцев, Завалишин, 2006]. были выявлены типы отношения людей к той территории, на которой они проживают:

– как к культурно-исторической ценности, которую необходимо беречь и передать в надлежащем виде потомкам;

– как к источнику ресурсов для личного обогащения (для решения собственных материальных проблем);

– как к месту проживания, времяпрепровождения;

– как к пространству самореализации личности.

И каждый вариант отношения к территории способен породить соответствующее ему отношение и поведение, реализуемое в пределах и по отношению к данной территории.

Ключевые признаки территориального поведения выглядят следующим образом. Это поведение, (1) опосредованное территориальным разделением труда; (2) предполагающее использование ресурсов данной территории (природных и социально-экономических); (3) основанное на пространственной (территориальной) рефлексии, характерной для субъекта. Первый и второй критерии соотносимы с объективными факторами формирования ТП, третий – с субъективным фактором, проанализированным выше.

То есть, материальной основой и важнейшим атрибутом территориального поведения является участок земной поверхности [Рязанцев, Завалишин, 2006: 88]., но не просто поверхности, а участок поверхности, воспринимаемой человеком (какой-либо группой) определенным образом, а также способный имеющимися на его территории ресурсами в той или иной степени удовлетворять потребности живущих на нем людей; что и запускает определенные типы территориального поведения.

Территориальное поведение – важный атрибут социального поведения людей, имплицитно включающий территорию в субъектно-субъектные отношения.

Благодаря стечению и переплетению комплекса факторов, интегрированных на каждой данной территории, столетиями формировались устойчивые модели территориального поведения, до настоящего времени существенно влияющие на поведение людей. Различение моделей территориального поведения возникает по причине природно-климатических особенностей территорий и территориального разделения труда [Рязанцев, Завалишин, 2006: 90].

Опираясь на рассмотренные выше материалы исследований упомянутых авторов, мы предлагаем оформленную в виде Таблицы самоидентификационных характеристик конкретных представителей мусульманской культуры и самоидентификационных характеристик, доминирующих в принимающих сообществах. Данная Таблица представляет собой не законченный инструмент, но именно эскизную схему, подлежащую в дальнейшем, по мере накопления соответствующих эмпирических данных, наполнению (Табл.2.).

Таблица 2. Схема взаимосоответствия самоидентификационных характеристик конкретных представителей мусульманской культуры и самоидентификационных характеристик, доминирующих в принимающих сообществах

Тип самоидентификации, доминирующий в принимающем сообществе	Тип самоидентификации, характерный для конкретного -представителя мусульманской культуры – объекта ресоциализации				
	Семейно-клановая	Этно-национальная	Территориально-региональная	Территориально-поселенческая	Гражданская
Семейно-клановая	Идеально	Достаточно продуктивно	Допустимо	Не ясно	Деструктивно
Этно-национальная	Достаточно продуктивн	Идеально	Достаточно продуктивно	Не ясно	Допустимо
Территориально-региональная	Допустимо	Достаточно продуктивно	Идеально	Достаточно продуктивно	Допустимо
Территориально-поселенческая	Не ясно	Не ясно	Достаточно продуктивно	Идеально	Достаточно продуктивн
Гражданская	Деструктивно	Допустимо	Допустимо	Достаточно продуктивно	Идеально

Если же обратиться к большим городам, то там среди местного населения мы можем встретить «Москвичей», «Архангелогородцев», «Котлошан», «Питерцев» (или «Ленинградцев»), «Кемеровчан». Т.е. вне зависимости от региональной принадлежности более-менее крупного города, его жители склонны отождествлять себя именно с ним, а не с той большой территорией, на которой он расположен. Также, – особенно в среде населения Москвы и С.-Петербурга, – весьма распространена самоидентификация «гражданского характера», связанная с восприятием себя в качестве гражданина своей страны – Россиянина (или «Русского» в этом же значении); одновременно, например, проживающие в Москве коренные москвичи-татары часто склонны к самоидентификации именно по этно-национальному признаку.

Заключение

Учет предложенной нами идеи о необходимости формирования программ по ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы с учетом степени комплементарности их территориальной самоидентификации и самоидентификации, наиболее распространенной в принимающем сообществе позволит повысить их обоснованность.

Кроме всего прочего, это позволит повысить эффективность процесса ресоциализации, во-первых, за счет организации такой среды ресоциализации, которая позволяла бы непринудительно стимулировать усвоение ресоциализируемым человеком социально одобренных норм и ценностей, социально-положительных моделей поведения, во-вторых, за счет обеспечения того, чтобы в этой среде само ресоциализирующее воздействие исходило не от специально организованных

субъектов воздействия (специалистов), а тех лиц или групп (например, лидеров мусульманских общин при мечетях), которые являются референтными для самого ресоциализирующегося человека. То есть, это значит, что внедрение в реальные практики ресоциализации предложенного нами, позволит обрести новые возможности действенного вовлечения мусульманских общин, существующих в российских городах-миллионниках и мегаполисах в работу по ресоциализации представителей мусульманской культуры, возвращающихся в эти города после освобождения, и использования для этих целей культурного потенциала этих образований.

Библиографический список

Александрова Н. В. К вопросу о формировании европейской идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Том 4. № 2. С. 270–282.

Жаде З. А. Россия в поисках региональной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2007. № 3. – С. 58–67.

Зязин С. Ю. О возможности создания условий системы ресоциализации отбывших наказание представителей мусульманской культуры в условиях современного урбанизированного сообщества // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019. № 3 [Электронный ресурс] // URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/28SCSK319.pdf> (дата обращения: 01/01/2020).

ИСПИ РАН. Статья. Межэтническое согласие. Отправлено. 14.03.2019.

Крылов М. П. «Региональная идентичность в Европейской России» / Дис. ... докт. геогр. н. Выполнена в Институте географии РАН и Российском НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Защищено на Диссертационном Совете при Институте географии РАН, М., 2007.

Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. – 241 с.

Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. – С. 13–23.

Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2006. – 465 с.

Сагитова Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. СПб; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. С.77–124.

Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб: Издательство НИИ химии Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 12–13.

Смирнова А. Г., Киселев И. Ю. Формирование идентичности в российской провинции. М., 2001. С. 361–369

Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17: Меняющаяся география зарубежного мира. Москва-Смоленск: Ойкумена, 2007. – С. 21–49.

Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М.: Гендальф, 1999. – С. 87–136.